

Томас Вулф



Интервью

Томас Вулф

Интервью

«Автор»

2025

Вулф Т.

Интервью / Т. Вулф — «Автор», 2025

В книге «Томас Вулф, Интервью, 1929-1938» Альдо Питер Маги и Ричард Уолсер собрали двадцать пять свидетельств общения Томаса Вулфа с прессой — от первого до последнего, всего за несколько месяцев до смерти. Эти встречи с прессой обладают притягательной близостью, которую редко можно встретить в биографиях или научных исследованиях. Вулф, всегда с радостью встречавшийся с журналистами, был готов рассказать о написании «Взгляни на дом свой, Ангел», о том, как «Скрибнерс» принял рукопись, и о том, как книгу приняли в обществе. Вулф очень верил в то, что Америка способна создать великую национальную литературу. Поскольку большинство этих интервью десятилетиями покоились в газетных архивах, даже ветераны-исследователи Вулфа найдут здесь много нового и полезного. Под редакцией Альдо Питера Маги и Ричарда Уолсера. Переводчик Осипов Алексей Сергеевич.

© Вулф Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Томас Вулф. Интервью (1929–1938)	5
«New York University Daily News», 29 октября 1929 года	8
«Эшвилл Таймс», 4 мая 1930 года	11
«Boston Evening Transcript», 26 сентября 1931 года	15
«Нью-Йорк Геральд Трибюн», 18 февраля 1935 года	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Томас Вулф Интервью

Томас Вулф. Интервью (1929–1938)

Под редакцией Альдо Питера Маги и Ричарда Уолсера (1985)

В книге «Томас Вулф. Интервью (1929-1938)» Альдо Питер Маги и Ричард Уолсер собрали двадцать пять свидетельств общения Томаса Вулфа с прессой – от первого интервью, которое он дал, беседуя со студентом-журналистом газеты Нью-Йоркского университета «Daily News», до последнего, интервью газете «Портленд Сандей Оригониан» в июле 1938 года, всего за несколько месяцев до смерти.

Эти встречи с прессой обладают притягательной близостью, которую редко можно встретить в биографиях или научных исследованиях. Вулф, всегда с радостью встречавшийся с журналистами, был готов рассказать о написании «Взгляни на дом свой, Ангел», о том, как «Скрибнерс» принял рукопись, и о том, как книгу приняли в обществе. «Когда моя книга начала расти на глазах, меня охватило дикое чувство ликования и радостного восторга», – сказал он интервьюеру «Rocky Mountain News». Прогуливаясь с другим интервьюером по Пятой авеню в Нью-Йорке сразу после выхода «Взгляни на дом свой, Ангел», Вулф заметил экземпляр, выставленный в витрине книжного магазина, и с гордостью указал на него. «Его глаза невольно оторвались от витрины», – заметил репортер. Вулф также не уклонился от ответа на вопрос о том, какое возмущение вызвал его первый роман в родном городе. «Если они думают, что я намеревался бросить вызов своему старому дому и своему народу, то они сильно ошибаются», – сказал он интервьюеру газеты «Эшвилл Таймс».

Вулф рассказывал о своем южном воспитании, образовании, частых поездках в Европу и жизни в Нью-Йорке. Он с удовольствием обсуждал своих любимых авторов и книги, а также то, что сам планировал написать в будущем. Вулф очень верил в то, что Америка способна создать великую национальную литературу.

Предисловия и послесловия раскрывают перспективы каждого интервью, помогая читателю лучше понять разнообразные ситуации, в которых Вулф встречался с репортерами. В некоторых случаях интервьюеры сами размышляют о своих встречах с Вулфом. В этих интервью у журналистов не было магнитофонов, и они не проводили таких продолжительных и глубоких бесед, которые стали обычным делом. Вместо этого интервью часто являются продуктом нескольких часов расспросов, собранных из отрывочных заметок и воспоминаний репортеров. Поскольку большинство этих интервью десятилетиями покоились в газетных архивах, даже ветераны-исследователи Вулфа найдут здесь много нового и полезного.

Библиотека вторичных материалов Томаса Вулфа Альдо Питера Маги, насчитывающая более трех тысяч единиц хранения, признана крупнейшей частной коллекцией такого рода в мире. Он являлся помощником редактора журнала «Томас Вулф Ревью» и попечителем Общества Томаса Вулфа.

Ричард Уолсер – почетный профессор английского языка в Университете штата Северная Каролина. Он автор нескольких книг и многочисленных статей о Томасе Вулфе и один из ведущих исследователей Вулфа в мире.

Предисловие и благодарности

Томас Вулф, как никто другой из американских писателей, за исключением, пожалуй, Уолта Уитмена, раскрывал себя практически во всем, что писал. Его чувства по отношению к своему ремеслу, к семье и друзьям, а также к своей Америке отчетливо прослеживаются во

всех его произведениях. Собранные в этом сборнике интервью, все, кроме нескольких, давно похороненных в газетных папках 1930-х годов, позволяют глубже понять характер Вулфа.

Судя по всему, Вулф обычно охотно встречался с репортерами и был щедр на интервью, даже когда они прерывали его писательский график. Один из самых привлекательных аспектов интервью – их непосредственность. Ответы Вулфа на вопросы приходилось давать на месте и поэтому они были неотшлифованными. Он всегда был вежлив и, чтобы не обидеть, мог говорить одно, а в другое время – другое. Например, в Атланте ему не терпелось прочитать роман «Унесенные ветром»; пять дней спустя в Роли он сказал газетчику, очевидно, в шутку, ссылаясь на свои собственные длинные романы, что сказал жителям Атланты: «Черт, у меня нет времени читать такую длинную книгу».

Он был способен на капризную, хотя и безобидную неправду. В 1931 году он сказал Мэрион Л. Старки, что, когда после публикации «Взгляни на дом свой, Ангел» его стали сравнивать с Уолтом Уитменом, он обратился к поэту, чьи произведения «были мне в основном незнакомы». Пять лет спустя в интервью Мэй Кэмерон Вулф подтвердил, что «никогда не читал Уолта Уитмена» до публикации своего первого романа, тем самым отрицая, что изучал Уитмена в школе. Это незначительная неправда, но тем не менее неправда. Как и многие другие писатели-фантасты, Вулф предавался преувеличениям и банальным выдумкам, если мелкие обманы способствовали созданию хорошей истории. Влияние Уитмена очень очевидно в его поздних произведениях, но стилистически не прослеживается в «Взгляни на дом свой, Ангел».

В интервью, опубликованных здесь, несколько существенных фактических ошибок, которые могут быть приняты за правду, сопровождаются исправлениями в скобках. Например, Сандерсон Вандербильт и газета «Rocky Mountain News» сообщили, что «Взгляни на дом свой, Ангел» был написан в 1930 году. Ошибочное утверждение Вандербильта о том, что роман был написан в Швейцарии, появилось в результате поспешного и ошибочного прочтения раннего черновика книги Вулфа «История одного романа».

Интервьюеры часто расходились во мнениях относительно мелких деталей. Однако все они, как правило, отмечали цвет глаз Вулфа, обилие или редкость его волос, его внушительную фигуру и, конечно, его рост. (Рост Томаса Вулфа составлял шесть с половиной футов.) Они часто сообщали о его южном говоре, манерах и манере говорить. В интервью, как не удивительно, много повторяющихся тем. Ответы Вулфа на ожидаемые вопросы, которые неоднократно и по понятным причинам задавали интервьюеры, часто приобретали воспроизводимое звучание, как будто у него были заготовлены полузабытые ответы на определенные ожидаемые вопросы. Он всегда был готов защитить автобиографическую беллетристику, рассказать о том, как «Скрибнерс» принял «Взгляни на дом свой, Ангел», и снова и снова сообщать о своем изумлении по поводу приема книги в Эшвилле. Он любил рассказывать о своей юности, образовании, поездках за границу и жизни в Нью-Йорке. Он не уставал называть свои любимые книги и авторов. Он любил перечислять количество слов, написанных им самим, количество, убранный из опубликованных романов, и количество, которое он пишет сейчас. Поскольку неакадемические читатели, равно как и ученые, с недоверием относятся к многоточиям, обозначающим пропуски, мы сохранили повторы Вулфа.

Сегодня мы привыкли к длинным интервью с писателями, которые записываются на пленку, транскрибируются и обычно предоставляются интервьюируемому на доработку. Такие интервью, часто взятые у других писателей и ученых, знакомых с жизнью и творчеством автора, по сути, являются деми-эссе, в которых можно глубоко и авторитетно изложить взгляды автора. Интервью с Томасом Вулфом в этом сборнике – совсем другое дело. Это продукты максимум нескольких часов беседы, они были собраны из заметок и воспоминаний интервьюера о том, что говорил Вулф – иногда, как мы подозреваем, больше последнего, чем первого. Хотя правдоподобность журналистов впечатляет, читателям следует помнить, что комментарии и наблю-

дения Вулфа, заключенные в кавычки, следует воспринимать как приблизительные, а не абсолютные слова, сказанные им.

Эти интервью, как нам кажется, не являются священным писанием. Хотя устные тексты остались без изменений, сохранив не только повторы Вулфа, но и обычные биографические факты, которые репортеры считали нужным сообщить своим читателям, были исправлены типографские ошибки, а для обеспечения последовательности были внесены коррективы в пунктуацию, курсив и орфографию. Мы внесли эти коррективы, поскольку хотим, чтобы подборки были относительно единообразны в подаче материала. Начиная с 1935 года у Вулфа брали интервью в городах, где его слава опережала его. При наличии информации мы указали местных интервьюеров. В сносках мы постарались описать контекст встреч Вулфа с репортерами, а в послесловиях – проследить, что произошло впоследствии.

За их жизнерадостные ответы на многочисленные просьбы во время сбора и редактирования этих интервью мы особенно благодарны следующим лицам: Дэвид Герберт Дональд, Элизабет Эванс, Лесли Филд, Джесси К. Гэтлин-младший, Клейтон Хогланд, Ричард С. Кеннеди, Джон С. Филлипсон, Энн Смит, Теодор В. Теобальд, коллекция Томаса Вулфа в Брэйден Хэтчетт, Рег Деган и Тодд Дадли из университетской школы Мемфиса, а также репортеры и издатели, которые упоминаются в сносках к отдельным интервью.

«New York University Daily News», 29 октября 1929 года

Через одиннадцать дней после публикации романа «Взгляни на дом свой, Ангел» газета «New York University Daily News» в Вашингтон-сквер-колледже, где Вулф тогда преподавал, опубликовала на первой странице интервью под заголовком «Томас Вулф, преподаватель английского языка в Вашингтон-сквер-колледже, автор первого романа, получившего широкое признание». Гай Савино, редактор студенческих заданий, который решил сам написать рассказ, был проведен длинноногим романистом в книжный магазин «Скрибнерс» на нижней Пятой авеню. Оттуда они отправились на Западную Пятнадцатую улицу 27, где в неухоженные апартаменты Вулфа часто заглядывала Алина Бернштейн, работавшая сценографом на Бродвее, она была благодетельницей и любовницей Вулфа.

Это первое из многих интервью Вулфа было перепечатано в журнале Thomas Wolfe Newsletter, III (Осень, 1979). Многоточия поставлены в оригинале.

Говоря о книге «Взгляни на дом свой, Ангел» Томаса Вулфа, преподавателя английского языка Вашингтон Сквер Колледж, чья книга была недавно опубликована издательством «Скрибнерс», Томас Бир сказал: «Это самый важный вклад в американскую литературу со времен «Бабушек» Гленуэя Уэсткотта».

«Среди первых романов, которые произвели на меня впечатление сильных и многообещающих, – писал Гарри Хансен в журнале Мир, – «Взгляни на дом свой, Ангел». В нем есть богатые эмоции, в нем есть понимание... он становится грозной книгой... Похвальная сила мистера Вулфа заставляет критику казаться придиричливой».

В воскресном книжном разделе «Нью-Йорк Таймс» Маргарет Уоллес написала: «Перед вами роман из разряда тех, которые слишком редко удаются чести встретить. Это книга с большим размахом и энергией... это настолько интересная и сильная книга, какую когда-либо удавалось создать из унылых обстоятельств провинциальной жизни».

Судя по предварительным отзывам, издательство «Скрибнерс» нашло достойного преемника «Прощай оружие» Эрнеста Хемингуэя. Похвала критиков не всегда является критерием успеха, но при прочих равных условиях, возможно, Нью-Йоркский университет имеет среди своих преподавателей автора будущего бестселлера.

Томас Вулф не дотягивает до семи футов на дюйм. Он гораздо выше среднего человека и ходит так, будто ему трудно забыть, что он не проходит через дверные проемы. У него длинные черные волосы, зачесанные назад в стиле помпадур. У него большие ноги и руки. В английском офисе Вашингтон Сквер Колледжа он с лихвой заполняет свой стул, а места под столом не хватает для его ног. Поэтому он откидывается в кресле, удобно раскинув ноги на подлокотниках. В его голосе заметен южный говор.

«Вам придется задавать мне вопросы. Я никогда раньше не давал интервью, – сказал он слишком по-мальчишески для своих размеренных тонов и огромных размеров своего тела. «Взгляни на дом свой, Ангел» – моя первая книга. Я хочу, чтобы она разошлась с большим успехом. Она вышла совсем недавно, я еще не получил много отзывов. Надеюсь, она понравится. Я много работал над ней. Я писал ее в маленькой потогонной мастерской на Восьмой улице. Это была настоящая потогонная мастерская. Летом я жарился, а зимой мерз. Это было не так уж плохо. Я всегда боялся, что стору. Квартиры подо мной и надо мной пустовали. Холодными ночами туда заходили бродяги, чтобы переночевать. Я не возражал, но изо всех сил старался, чтобы они не курили. Я написал всю книгу от руки. Сейчас в ней более 600 страниц. Это означает более 250 000 слов. Полагаю, она не такая короткая, как другие современные книги. Издатели вырезали 200 дополнительных страниц, когда пересматривали ее, что, полагаю, совсем неплохо, хотя каждое слово, которое они вырезали, причиняло мне боль. Я был в Вене, когда узнал, что книга будет опубликована. Я, конечно, помчался домой и почти жил у

издательства «Скрибнерс». Они, кажется, не возражают. Говорят, некоторые авторы даже не удосуживаются читать рецензии на свои книги. Представьте себе!»

Томас Вулф, семи футов с небольшим, с румянцем на щеках и яркими глазами, светящийся предвкушением, в котором были и надежда, и страх, не позволял представить себе автора, беззаботно относящегося к своим книгам. Он записывал свои драгоценности в большие бухгалтерские книги. И заполнил ими целый сундук. Он хотел показать их. По его словам, он жил недалеко от университета.

Томас Вулф вел их по Пятой авеню. Не стоит сомневаться, что эта книга – его первая. Она заполнила каждую его частичку, и пока она не будет принята или отвергнута публикой, он будет постоянно казаться готовым покинуть свою шкуру. Он начал писать книгу в Англии, хотя идея возникла у него в Нью-Йорке. Нет, не в Нью-Йорке. Все началось, когда он был студентом в Северной Каролине. Она разрослась, когда он поступил в Гарвард. Она выросла, когда он приехал в Нью-Йорк. В Англии он уже был готов к тому, чтобы выложить себя на бумагу. Прогуливаясь в затхлых туманах, история росла и росла в нем. Он написал ее часть, а затем поспешил домой. Он закончил ее в потогонной мастерской на Восьмой улице.

Пробираясь по Пятой авеню и восклицая, что никогда не сможет привыкнуть к нью-йоркскому движению, он объяснил, почему приехал в Нью-Йорк, чтобы закончить свою книгу.

Но сначала он увидел витрину с книгами «Скрибнерс». «Смотрите. В этой витрине выставлена моя книга. Она в центре. Вот она, та самая, с молниями по всему периметру. Они разместили её в хорошем месте, не так ли?» Он невольно отвел глаза от витрины.

Потом он сказал, что вернулся в Нью-Йорк, потому что высокая скорость жизни здесь – прекрасное подспорье для настоящей работы. В таком большом городе, как этот, можно потерять себя, сказал он. Можно быть сколь угодно одиноким. По его словам, лучшие часы для писательства – с двенадцати ночи до пяти утра. В этот период и шла работа над романом «Взгляни на дом свой, Ангел». На завершение работы ушло двадцать месяцев.

Его дом находился рядом с Пятой авеню. «Моя домработница, – говорил он, – появляется только три раза в неделю. Это один из тех дней, когда ее нет».

Подъем по шаткой лестнице, два пролета, затем поворот направо. Дом Томаса Вулфа. Это большая разветвленная комната. Она совмещает в себе спальню и столовую. Также это гостиная и салон. В углу – высокие полки с книгами. Он указал на сундук с бухгалтерскими книгами. Они лежали беспорядочной кучей. Студент одного из его курсов напечатал для него рукопись. Он печатал по несколько часов каждый вечер.

Автор знает, о чем пишет. «Я родился на Юге, – говорит он. – Мне всего двадцать девять лет. Думаю, в этом возрасте я и останусь. В 1920 году я окончил Университет Северной Каролины. Во время учебы я был редактором «Тар Хил». Это не такая претенциозная газета, как здешние. Но я получал огромное удовольствие от работы».

«Хотя я не совсем ученик современной школы, моя книга – это часть реализма и часть вымысла. Я попытался сделать ее реальной. Некоторые говорят, что это ответ на «Главную улицу» Синклера Льюиса. Возможно, так оно и есть. Я не писал с такими намерениями. Как сказано в предисловии, «Взгляни на дом свой, Ангел» объясняет жизнь в провинциальном городе так, как я ее вижу».

Гай Савино продолжил журналистскую карьеру, став президентом «Leader Newspapers», издателя пяти еженедельников в небольших населенных пунктах северного Нью-Джерси. Спустя почти полвека после интервью его воспоминания об этом событии появились во всех пяти газетах (например, в «Commercial Leader» из Линдхерста) 16 ноября 1978 года. Он добавил несколько деталей, напомнив, что когда он пришел в «закуток», служивший Вулфу офисом, «обнаружил там человека с гордой, но другой улыбкой на оливковом лице, с огромной копной черных непокорных волос, целлулоидным воротничком и нитяным галстуком. Вулф возник. Более точное описание – Вулф разматался. Он поднялся со своего кресла,

как на лифте, во все свои шесть футов шесть дюймов... «Спасибо, что пришли, – произнес Вулф стаккатным голосом. Казалось, он почти заикался, торопясь выговорить слова. – Думаю, будет лучше пойти ко мне».

Сначала они вдвоем отправились по Пятой авеню к магазину «Скрибнерс». «Вулф смотрел на витрину с нескрываемой радостью. «Разве это не чудесно! – бурлил он. Разве все это не прекрасно!» В центре города, когда они поднимались по ступенькам на «заброшенный чердак» Вулфа, из дверей вышла «пухленькая, круглолицая женищина», которая уже собиралась сесть в седан Паккард, когда увидела нас. Вулф представил нас. Это была Алина Бернштейн... На чердаке я смог увидеть бухгалтерские книги, в которых Вулф писал от руки. Десятки книг были разбросаны по полу и заполняли по меньшей мере один сундук. Мы разговорились, и Вулф протянул мне рюмку виски. Было время сухого закона. «Не говори, не говори», – с ухмылкой предупредил Вулф. Вулф подарил мне экземпляр «Взгляни на дом свой, Ангел» с дарственной надписью».

Савино рассказал, что некоторое время спустя он «так яростно» и восторженно писал о романе в «Commercial Leader», что его католический пастор забеспокоился.

«Эшвилл Таймс», 4 мая 1930 года

Одним из любимых отрывков Вулфа в литературе был момент в романе Толстого «Война и мир», когда молодой князь Андрей после первой битвы заметил, что хвалят тех, кто ничего не сделал, а порицают тех, кто сделал все: «Князь Андрей взглянул на звезды и вздохнул; все было так не похоже на то, что он думал».

У Вулфа был похожий опыт, когда все было не так, как он ожидал. Большие, чем деньги, большие, чем всенародные аплодисменты, больше всего Вулф хотел получить от «Взгляни на дом свой, Ангел» одобрение и признание в своем родном городе. Он писал книгу с любовью к своей семье и своему народу и верил, что его роман будет принят с восхищением и гордостью. Книга стала его оправданием жизни, проведенной среди близких и родных ему людей.

Но вместо одобрения и похвалы жители Эшвилла выразили возмущение тем, что сын родного города проник в его тайны, распял свою семью, изобразив ее в гротескном виде, и не оставил горожанам ни капли достоинства. Неважно, что книга получила одобрительные отзывы критиков в Нью-Йорке и других городах. На родине Вулфа осудили те, кого он больше всего хотел убедить в своей значимости. Книга «Взгляни на дом свой, Ангел» была опубликована в октябре 1929 года. Шесть с половиной месяцев спустя город все еще кипел.

«Вулф отрицает, что «предал» Эшвилл, утверждает, что любит людей в романе «Взгляни на дом свой, Ангел». Намерения снять фильм об Эшвилле и его жителях отклонены; в субботу он отплывает в Европу». Это была «эксклюзивная депеша» Ли Э. Купера, репортера, недавно из Эшвилла, который взял интервью у Вулфа в Нью-Йорке

Усталый великан, удивленный успехом своей первой книги и немало обеспокоенный критическими замечаниями, которые она вызвала у его родных, в ближайшую субботу отплывает из Нью-Йорка в Европу, «чтобы посидеть на скале и посмотреть на свиней и крестьян, на небо и море», чтобы отдохнуть.

Томас Вулф не может отдохнуть в Нью-Йорке. С момента выхода книги «Взгляни на дом свой, Ангел» у него было совсем немного времени, которое он мог бы назвать своим. Конференции с издателями по поводу следующей книги, беседы с литературными светилами и книжными критиками, приглашения и письма не дают ему покоя неделями. Но после короткого периода отдыха он закончит «Ярмарку в октябре» и, возможно, пятнадцать или двадцать других романов в срок, говорит он. Некоторые части его следующей книги и большая часть тех, что появятся позже, будут основаны на его опыте жизни в Эшвилле и на западе Северной Каролины. Он надеется, что людям, которых он знает там, его последующие произведения понравятся больше, чем первые, и они поймут его мотивы и его отношение. Но он не рассчитывает на то, что ему придется заниматься проституцией из-за того, что некоторые люди обрушили на него поток клеветы и угроз, или ослаблять многообещающий литературный дебют, описывая жизнь «под слоем патоки».

Физически Том Вулф – достойный продукт великих холмов, вскормивших его. В обычной нью-йоркской квартире он был бы задушен; поэтому он жил на один этаж выше в старом здании на Западной Пятнадцатой улице, недалеко от Пятой авеню, где одна большая комната, наполовину студия, наполовину чердак, с потолком в два этажа, служила ему библиотекой, спальней и залом для приемов. Комната была еще более растрепанна, чем его тяжелая копна темных волос. Повсюду валялись книги и бумаги, ожидая, когда их уберут. Он с явным удовольствием приветствовал того, кто мог поговорить с ним о местах и вещах в горах Каролины.

«Я счастлив и польщен, что у «Эшвилл Таймс» хватило предприимчивости и вдумчивости поинтересоваться моим отношением к вещам, о которых я писал, – сказал он. – Я хочу, чтобы люди на родине меня поняли. Как я понял из того, что некоторые из них говорили обо

мне после выхода книги, они считают, что я предал их, что я изгой и что они не хотят, чтобы я возвращался».

«Если они думают, что я намеревался бросить вызов своему старому дому и своему народу, то они сильно ошибаются. Я начал работу над романом «Взгляни на дом свой, Ангел» около трех лет назад, когда был в Англии и тосковал по родной земле. Переживания моих ранних лет бурлили во мне и требовали выражения. В результате получилась книга, представляющая мое видение жизни до двадцати лет. Я задумал, чтобы город, в котором она написана, был типичным, и назвал его Альтамонтом, который некоторые люди позже называли Эшвиллом. Я вернулся в Нью-Йорк и много месяцев работал над романом в мрачной мансарде на Восьмой улице. Не думаю, что за все это время я думал об Эшвилле как таковом более часа».

«Но я должен был писать о вещах, которые были частью меня, из моего собственного опыта, о вещах, которые я знал. Я не верю, что достойная книга может получиться у того, кто пытается просто потянуться в воздух и вырвать из него историю, не имеющую жизненной подоплеку».

«Для меня герои моей книги были настоящими людьми, полнокровными, богатыми и интересными; они были первопроходцами из тех, кто построил эту страну, и я люблю их».

«Я горжусь своей семьей и по-прежнему считаю Эшвилл своим домом. Нью-Йорк, конечно, нет. Он мне нравится, но это гигант из стали и камня, далеко не похожий на открытые пространства, где человек может встать ногами на ласковую землю и дышать. Совсем недавно я совершил поездку в Пенсильванию, на ферму Ланкастер, где жил мой отец и которую я узнал по ярким описаниям, которые он давал мне в ранней юности. Часть меня принадлежит этой стране, а другая часть связана с холмами Северной Каролины».

«Когда я пишу, я должен писать честно. Слишком многие пытаются подражать благородству англичан, в то время как мы в Америке совсем другие, без длительной биографии, которая заставляет их писать в соответствии с обстановкой, а значит, делает их реальными. Мы – первопроходцы, строители, причем энергичные. Писать о нас с излишним благородством – нечестно и неудовлетворительно. Если мы хотим чего-то добиться, мы должны рисовать жизнь такой, какая она есть, полной и глубокой. Не вся она приторна и безгрешна. Если бы это было правдой, возможно, мы были бы менее привлекательны, менее достойны того, чтобы о нас писали».

«Люди в моем романе были для меня реальными людьми, и я их любил. Возможно, кто-то из освященных в ужасе поднимет руки и воскликнет: «Бедный дьявол! Так вот какой он человек и вот какие люди ему нравятся!», но я повторяю, что люблю этот тип людей – богатый, честный, энергичный тип».

«Некоторые писатели, например Синклер Льюис, вообще не понимали, что такое маленький город. Хотя люди узнавали его героев, его города рисовались как унылые и скучные. Я не считаю их такими, я имею в виду типично американские городки. Там жизнь кипит во всей своей полноте».

«Я получил сотни писем, одни из которых восхваляли меня, другие были полны советов, третьи – оскорблений, – продолжал он, указывая на большой сундук, набитый ими. – Многие из них были из Эшвилла. Я надеюсь, что люди там поймут мою точку зрения и им больше понравятся мои последующие книги. Я не озлоблен и не хочу, чтобы меня считали изгнанником, ведь я очень хочу когда-нибудь вернуться туда».

Томас Вулф с удовольствием объяснил, как его первый роман получил свое название. Немногие, кто читал книгу, кажется, поняли значение названия.

«Как и в случае со многими другими книгами, – сказал он, – название, которое было выбрано в итоге, не было первоначальным. Когда я отправлял рукопись в издательство «Скрибнерс», я хотел озаглавить ее «Потерянные люди», чтобы выразить тему книги и идею о том, что люди в большинстве своем одиноки и редко знакомятся друг с другом. Издателям, точнее,

их отделу по стимулированию сбыта, это не понравилось, сославшись на то, что оно слишком много рассказывает».

«Я представил еще около дюжины названий, которые, как они предполагали, не расскажут слишком многого или вызовут любопытство относительно содержания романа. Одним из них было «Взгляни на дом свой, Ангел», взятое из Мильтона, полная строка гласит «Look Homeward, Angel, and Melt with Ruth». Это стихотворение, как вы, несомненно, знаете, является элегией, написанной в память об утонувшем друге. Заявка была задумана как общая или символическая по смыслу, а не как не имело определенного подтекста в отношении какого-то персонажа или действия в книге».

«Некоторые считают, что оно имеет прямое отношение к ангелу, который стоял на крыльце мраморной лавки в одной из сцен романа, но это не так. Я думаю, что оно очень хорошо сочетается с характером Бена, возможно, центральной фигуры книги, который постоянно вскакивает, чтобы произнести «Послушайте это» или какое-нибудь родственное выражение, как будто он разговаривает с каким-то невидимым духом».

Книга мистера Вулфа будет опубликована в Англии в этом месяце. После нескольких недель отдыха он возобновит работу над «Ярмаркой в октябре», над которой уже проделал значительную работу. Стипендия Гуггенхайма в размере около 2500 долларов, присужденная ему за первую книгу, позволит ему провести несколько месяцев за границей, в основном в Англии и Германии. Это очень щедрая награда, не требующая особых условий, хотя обычно предполагается, что победитель поедет за границу. Никакой отчетности перед фондом не требуется.

«У «Ярмарки в октябре» не будет определенной обстановки, – пояснил он. В основном это будет движущаяся панорама американской жизни. Действие первой части, которая будет называться «Скорый экспресс», развернется в скором поезде, следующем через Вирджинию, и на территории, через которую проходит поезд. Название книги, вызывающее в памяти картину времени сбора урожая и его щедрости, будет относиться к периоду жизни женщины. Некоторые части истории будут основаны на моем опыте в Северной Каролине. Более поздние книги будут содержать еще больше таких впечатлений».

Томас Вулф с жадностью изучает жизнь и литературу. В Гарварде, изучая драматургию под руководством профессора Бейкера, он написал несколько пьес, которые были признаны весьма многообещающими, по крайней мере одну из них, как он надеялся, возьмет Нью-Йоркский продюсер, чтобы облегчить дальнейшую жизнь. Но, прождав несколько месяцев в Эшвилле такого предложения, он лишился иллюзий и приехал в Нью-Йоркский университет преподавать. Каждый раз, когда ему удавалось скопить несколько сотен долларов, он спешил уехать в Европу, иногда возвращаясь на попутных машинах. По его подсчетам, из последних семи лет он провел в Европе как минимум три. Но всегда ему тоскливо от «простора» Америки и больших грейпфрутов на тележке уличного торговца.

Он прочитал и принял к сердцу все советы и критику тех, кто писал ему письма. Некоторые, в сущности, спрашивали его, почему он не написал историю о хороших людях, чистую историю о красоте вещей. Он отвечает, что жизнь совсем не такая, что она не чистая и не грязная, а полная, округлая и сметающая, «как волна, разбивающаяся о тебя».

Так он говорил в течение двух часов, то бросаясь словами, от которых у него почти перехватывало дыхание, то замирая, словно нащупывая, удрученный неадекватностью слов, чтобы передать глубину своего смысла или энтузиазма по отношению к жизни.

Он не согласен с теми скептиками, которые всегда опасаются, что обещания первой работы автора могут не оправдаться в последующих произведениях. По крайней мере, он не думает, что это применимо к его случаю. Он говорит об этом без всякого бахвальства, поскольку считает, что с тех пор, как начал писать «Взгляни на дом свой, Ангел», научился многому, что поможет ему сделать это лучше.

«Когда-нибудь я напишу хорошую книгу», – сказал он.

Затем он налил себе еще одну чашку чая и снова начал рассказывать о людях, которых он знал на родине. «Великие люди, – называл он их, – и когда-нибудь я туда вернусь. Передайте им это от меня, ладно? Скажите им, что я говорю от всего сердца, что они – сердце Америки».

Вулф был доволен интервью, но не неподписанной статьей в том же номере «Таймс»: «Мраморный ангел, которого любил отец Вулфа, на Риверсайдском кладбище – статуя, ставшая знаменитой в романе «Взгляни на дом свой, Ангел» бдит над могилой». К статье прилагалась фотография «ангела, высеченного из лучшего каррарского мрамора... ее правая рука поднимает венок на деревенский крест». По словам репортера, ангел когда-то смотрел «на восток» с «крыльца мастерской» каменотеса У. О. Вулфа на Пак-сквер. Теперь он «обозначает могилу ушедшей из жизни женщины из Эшвилла, похороненной в 1914 году».

Новость, конечно, была нелепой. В книге «История одного романа» (Нью-Йорк, 1936), 23-24, Вулф писал о «сцене в книге, в которой каменотес представлен как продающий печально известной женщине города статую мраморного ангела, которой он дорожил много лет. Насколько мне известно, эта история не имела под собой никаких оснований, и все же несколько человек позже сообщили мне, что они не только прекрасно помнят этот случай, но и действительно были свидетелями сделки. На этом история не закончилась. Я слышал, что одна из газет послала на кладбище репортера и фотографа, и в газете была напечатана фотография с утверждением, что ангел – это тот самый знаменитый ангел, который столько лет стоял на крыльце каменотеса и дал название моей книге. К несчастью, я никогда не видел и не слышал об этом ангеле, а на самом деле он был воздвигнут над могилой известной методистской дамы, умершей за несколько лет до этого, и ее возмущенная семья немедленно написала в газету, требуя опровержения своей истории, заявив, что их мать никак не была связана с печально известной книгой или печально известным ангелом, который дал название печально известной книге».

Только в 1949 году ангел Вулфа – «стоящий на холодных фтизиатрических ногах, с улыбкой мягкого каменного идиотизма... с резным стеблем сирени» в руке – был обнаружен в Хендерсонвилле, в двадцати милях к югу от Риверсайдского кладбища в Эшвилле.

Ли Эдвард Купер, выпускник Университета Дьюка, был городским редактором «Эшвилл Таймс», прежде чем перейти в «Нью-Йорк Таймс» в 1929 году на должность редактора по недвижимости. 10 мая, через шесть дней после публикации интервью, Вулф отплыл на корабле «Волендам» в Европу.

«Boston Evening Transcript», 26 сентября 1931 года

Марион Л. Старки была так впечатлена, прочитав роман «Взгляни на дом свой, Ангел», что решила встретиться с его автором; поскольку она иногда писала для «Boston Evening Transcript», она договорилась с газетой о поездке в Нью-Йорк, чтобы взять интервью у Вулфа. Через несколько недель после появления статьи Вулф написал письмо, чтобы поблагодарить Старки за ее «приятное письмо и копии интервью». Большие, по его словам, ему ничего не нужно, так как бостонский друг прислал «огромный пакет по почте, в котором, должно быть, 50 или 100 экземпляров». Он похвалил интервью: «Я не могу представить, сколько терпения и труда потребовалось, чтобы придать порядок и связность моим потокам речи. Я только хотел бы, чтобы я действительно мог выражать свои мысли так же ясно и четко, как вы заставляли меня говорить. Если вы действительно писали каждое слово между чихами при сенной лихорадке – тогда, думаю, кто-то из нас должен попытаться заразиться этой болезнью». Он сожалел, что она не смогла связаться с ним во время недавней остановки в Нью-Йорке, и с большей разборчивостью, чем обычно, дал ей свой номер телефона и бруклинский адрес. «Пожалуйста, позвольте мне увидеться с вами в следующий раз», умолял он. «До свидания и удачи вам всем в этом году. В конце октября меня пригласили в Университет штата Валлис, но я не думаю, что смогу вырваться. Я работаю, как обычно, и не хочу прекращать работу. Со всеми добрыми пожеланиями здоровья и успехов». (Это письмо хранится в Специальных фондах Библиотеки Мугара Бостонского университета).

Статья «Томас Вулф из Северной Каролины – молодой американский писатель, который прославился благодаря своему первому роману» сопровождалась рисунком с изображением романиста.

Два октября [года] назад горный город Эшвилл, штат Северная Каролина, проснулся в немалом волнении, обнаружив себя прославленным на 600 страницах гигантского романа под названием «Взгляни на дом свой, Ангел». Первый роман неизвестного, двадцатидевятилетнего Томаса Вулфа, бывшего мальчика из Эшвилла, не был обычным романом, который пропустят и забудут. Критики оценили его по достоинству, Синклер Льюис нашел повод в своей стокгольмской речи при получении Нобелевской премии назвать его автора одним из самых многообещающих писателей Америки. Эшвилл взволновало не то, что он произвел на свет возможно великого автора, а то, что он произвел на свет писателя, который написал об Эшвилле с постыдными подробностями.

Он, конечно, не называл город по имени. Он замаскировал его под Альтамонт. Но для любого, кто хоть немного знаком с Каролинским нагорьем, Альтамонт был ярким и безошибочным Эшвиллом. Это был такой портрет, который нелегко было процитировать в брошюрах, подготовленных Торговой палатой для рекламы «страны неба». Не то чтобы это была сатира в духе Синклера Льюиса. Это было прямое, почти наивно правдивое и полное откровение красоты и уродства жизни и человечества, пережитых мальчиком, выросшим в горном городе.

А больше всего взволновал народ тот факт, что читателям «Взгляни на дом свой, Ангел» показалось, что они могут узнать дословные портреты различных горожан. Действительно, говорят, что кондукторы трамваев до сих пор указывают незнакомым людям, где жил тот или иной персонаж. Правда это или нет, я не знаю, но когда я посетила это место в июне прошлого года, служащий автобусного терминала назвал мне двух или трех персонажей, которые, как он заверил меня, были жителями из плоти и крови, и указал место на площади, где, по его словам, мраморный ангел когда-то смотрел из магазина Ганта на Большие Дымчатые горы.

Все это очень поразило автора, который и представить себе не мог, что его родной город может по справедливости оценить издание, и который отрицает, что рисовал такие буквальные портреты горожан, как они утверждают.

«Я думал, что если три или четыре экземпляра моего романа будут проданы в Эшвилле, то дела пойдут хорошо, – говорит мистер Вулф. – Мне и в голову не приходило, что люди будут читать его так, как читали, что они воспримут его так буквально и так разволнуются из-за него. Из города я получил массу известий! Было даже несколько писем с угрозами, анонимные, разумеется».

«Люди упорно продолжали видеть сходство между персонажами и реальными людьми там, где его не было. При написании этого романа я был словно скульптор, который использовал глину из определенного места, чтобы создать фигуру. Люди из этого места могли бы правильно сказать: «Я видел эту глину раньше», но они не могли бы правдиво сказать: «Эта фигура мне знакома». В этом и заключалась ошибка Эшвилла. Поскольку он так хорошо знал глину, то утверждал, что знает и фигуры».

«В последнее время, как я понимаю, ажиотаж поутих. Люди стали смотреть на дело более справедливо, более рационально. А у Эшвилла появились свои проблемы. Не знаю, что я чувствую сильнее – сочувствие к полному краху его бурных проектов или восхищение тем великолепным мужеством, с которым он встречает закрытие банков и тяжелые времена».

Эта беседа состоялась в маленькой библиотеке в офисе издательства «Скрибнерс» в знойный летний полдень. Мистер Вулф, недавно вернувшийся из годичной поездки за границу по стипендии Гуггенхайма, жил в Бруклине, пытаясь привести в порядок рукопись еще одного огромного романа, «Ярмарка в октябре». Он работал над ней все утро и прервался как раз к тому времени, когда приехал из Бруклина, чтобы дать интервью.

Я без труда узнала его, когда он вышел из лифта на пятом этаже. Томаса Вулфа не может быть два. Этот автор романов о титанах – сам титан, шесть футов четыре дюйма ростом, кареглазый, темноволосый гигант. И пока он беседовал в маленькой библиотеке, он показался мне искренним, довольно серьезным молодым человеком, неистово терпеливым к требованиям своего инквизитора. Его опыт, как я поняла, примерно совпадает с опытом его героя, Юджина Ганта. Не то чтобы «Взгляни на дом свой, Ангел» можно было воспринимать буквально как автобиографию. Но его автор, как и его герой, получил образование в университете Северной Каролины в Чапел-Хилле, который в романе называется Пулпит-Хилл, и, похоже, он разделял некоторые впечатления Юджина о военном времени в Норфолке, Ньюпорт-Ньюсе и Лэнгли-Филд, штат Вирджиния. Роман заканчивается намерением Юджина получить степень магистра в Гарварде. С этого момента можно начать рассказ самого мистера Вулфа, ведь он действительно поступил в Гарвард и пробыл там три года.

«Новая Англия была прекрасна для меня – прекрасна и сейчас. На самом деле, сейчас я ищу место на побережье Мэна, чтобы отдохнуть этим летом, – говорит он. – Я думаю, что южанам свойственно испытывать тоску, почти тоску по дому, по Новой Англии. Если в результате Гражданской войны и осталась какая-то горечь, то я ее не испытал».

«Для себя я думаю, что отчасти меня привлекли зимы Новой Англии. Наши зимы в Эшвилле, конечно, не совсем мягкие; у нас бывает снег, но не такой, как в Новой Англии. Для меня, учившегося в Гарварде, в снеге было что-то сказочно прекрасное. В воздухе перед наступлением метели витает какое-то ощущение, почти запах снега, который оказывает на меня сильное воздействие. А когда снег приходит и шаги затихают, я чувствую себя так, словно должен быть счастлив, если бы снег шел вечно. Я чувствую, что никогда не пишу так хорошо, как в снежную ночь».

«Но, конечно, в эти три года в Бостоне были и другие впечатления. В то время меня переполнял ненасытный, почти жестокий аппетит к литературе и жизни. Я не мог насытиться ни тем, ни другим. Я хотел прочесть каждый том в библиотеке Уиденера и одновременно хотел быть с людьми, видеть их, понимать их. Мне потребовалось много времени, чтобы подстроить свою жизнь под требования этих двух почти противоречивых желаний».

«Я учился в мастерской профессора Бейкера, писал пьесы, не представляя тогда, что не посвящу написанию пьес всю свою жизнь. Сейчас все эти амбиции кажутся странными и далекими. Когда я закончил его курс, у меня была пьеса, которую я с уверенностью ожидал увидеть поставленной на Бродвее. Речь шла о южном городе, и в ней была сенсационная сцена между белым парнем и цветной девушкой. «Добро пожаловать в наш город», так она называлась».

«Ее показали нескольким продюсерам в Нью-Йорке, и они так сердечно отозвались о ней, что я отправился домой в Эшвилл в спокойной уверенности, что в скором времени меня позвуют помогать в постановке пьесы в Нью-Йорке. Но вместо этого пришел любезный отказ, и я отправился в Нью-Йорк не для постановки пьесы, а для поиска работы. Я стал преподавателем английского языка в Нью-Йоркском университете».

«Преподавание показалось мне тяжелым трудом. Оно кажется легким – всего три-четыре дня в неделю, несколько часов в день, но это своего рода творческая работа, требующая концентрации энергии. Я обнаружил, что многочасовое преподавание истощает меня почти так же, как многочасовое писательство. После трех часов преподавания я обнаружил, что писать – это настоящий труд. Иногда меня также беспокоил вопрос о том, чему можно научить в английском языке. Определенные механические навыки, конечно, можно, но чему еще – я не уверен. Я знаю людей, которые говорят, что на английском учат думать, но я не могу понять, как это может быть. Если бы я знал, где можно найти такой курс, я бы сам на него пошел!»

«Преподавание литературы – еще одна проблема. Меня настораживало отношение некоторых моих студентов-преподавателей, которые привыкли считать догмой, что одни стихи хороши, а другие – нет. Некоторые настаивали на том, что «Элегия» Грея прекрасна, не потому, что у них был личный опыт ее красоты, а потому, что они беспрекословно приняли догму, что это стихотворение прекрасно».

«Дисциплина и порядок, конечно, необходимы в образовании, и все же иногда я думаю, не слишком ли их много. Помню, когда я учился в колледже и с трудом овладевал предметом, не представлявшим для меня естественного интереса, мне говорили, что это знания, которые помогут мне в дальнейшей жизни. Но опыт научил меня, что эти мучительно приобретенные знания покидают меня и становятся бесполезными, в то время как знания, которые я приобрел благодаря чистому энтузиазму, остаются».

«Мои годы в Нью-Йоркском университете были счастливыми. Среди студентов и коллег я находил интересные умы, а руководители были добры. Когда у меня было достаточно денег, я снимал их и уезжал в Европу. Когда деньги кончались, я возвращался, и меня принимали обратно. Моя связь с университетом продолжалась около семи лет, хотя фактически я преподавал не более трех лет. Большую часть остального времени я провел в Европе. В те годы странствий я узнал о себе одну любопытную вещь, которая, как мне кажется, относится и к американцам в целом. Мы – тоскующие по дому люди, тоскующие по тому, чего у нас здесь нет, и все еще тоскующие, когда ищем это за границей».

«Американцы никогда не бывают естественными и неподвижными. Я помню, как в детстве видел людей, сидящих на верандах в Эшвилле в своих креслах-качалках и постоянно раскачивающихся взад-вперед. Я думаю, что в американской любви к креслам-качалкам есть какой-то тайный смысл, заключающийся в возможности двигаться, даже когда они отдыхают. Возможно, кресло-качалка – это символ той неутомимости, которая у нас в крови».

«Автомобиль – это как более усовершенствованная разновидность кресла-качалки. Это еще один символ неутомимости, тоски по дому, мы не знаем, почему. Люди садятся в машину и едут за тридцать миль в соседний город, чтобы выпить газировки. В этом городе нет ничего прекрасного, ничего такого, чего бы не было дома, но просто поездка туда удовлетворяет тягу».

«За границей я обнаружил, что американцы бродят так же беспокойно. Некоторые из них утверждали, что наконец-то нашли свой настоящий дом, чаще всего в Париже. Но я редко им верил. Большинство из них были такими же, как я, – беспокойно бродящими, ищущими

то, что не удастся найти, вечно тоскующими по дому. Помню, как я тосковал по Нью-Йорку в свою первую поездку за границу. А ведь там мне почти не по чему было тосковать, почти не было друзей, не было дома, кроме дешевого отеля».

«Колониальный англичанин – еще одно тоскующее по дому существо, но я думаю, что он тоскует по земле, которую его род обрабатывал на протяжении многих поколений. Мы же, за границей, тоскуем по чему-то менее осязаемому. Я чувствовал себя так, словно вернулся домой в Америку, когда, лежа на верхней койке в пульмановском вагоне и не видя, слышал голос, говорящий со знакомым акцентом на перроне вокзала. Частично тоска американцев по дому за границей, вероятно, связана с тоской по ощущению пространства, которое невозможно удовлетворить в Европе. Прекрасная маленькая Англия кажется американцу душной, чрезмерно окультуренной, перенаселенной».

«Мы все еще первопроходцы, поэтому нам беспокойно. Возможно, именно поэтому мы еще не создали великого искусства и литературы. Я верю в Америку. Для меня она великолепна. Когда мы будем готовы, у нас будет великая литература – на самом деле, я думаю, мы уже на пути к этому. Я думаю, что американские писатели сейчас пишут более интересные произведения, чем английские. Я считаю, что сами англичане часто готовы в это поверить».

«Для себя я чувствую, что наконец-то покончил со странствиями. Во время моей последней поездки за границу я чувствовал, что с меня хватит. В Бруклине, в маленьком дешевом пансионе, где я живу, я совершенно доволен. Я бываю в Нью-Йорке не чаще раза в неделю, а когда бываю, это похоже на праздник. Я вижу его сказочным городом. В час ночи я усердно работаю и совершенно счастлив в своей работе. Даже в жару я не чувствую необходимости останавливаться, и это меня радует, потому что я ненавижу жару, мне кажется, что тот факт, что я могу работать в жару, доказывает, что я работаю хорошо. Возможно, то, что я нашел себя в писательстве, объясняет конец моей неутомимости».

«Я стал систематическим в своих методах письма. В течение многих лет я писал без системы на свободных листах бумаги, большую часть которых я потерял, пачки которых я хранил в сундуках. Казалось, у меня хватало энергии, чтобы задумывать и завершать работу, но никогда не хватало сил, чтобы передать ее издателю. Более того, поскольку я часто терял важные части, о том, чтобы сделать это, порой не могло быть и речи».

«Тогда подруга [Алина Бернштейн] уговорила меня писать в бухгалтерских книгах, чтобы мои работы не рассыпались. Так я написал «Взгляни на дом свой, Ангел». Следуя ее совету, я установил для себя график – столько-то страниц в день и придерживаюсь его. Мне удается поддерживать темп около пяти часов в день. При меньшем количестве я достигаю слишком малого, при большем – выматываюсь».

«Первый роман, как я уже говорил, был в некотором смысле – но не буквально – автобиографическим. Я считаю, что так обычно начинают молодые писатели. Объективная точка зрения приходит со зрелостью и опытом. «Ярмарка в октябре», как мне кажется, задумана более объективно и в то же время очень интимно. Рассказать вам о ее сути было бы невозможно. Но она очень длинная, разделена на четыре части и имеет вполне определенную форму».

«В связи с этим я чувствую, что «Взгляни на дом свой, Ангел» не так бесформен, как говорили про него критики. Мне кажется, что это даже не длинный роман, если вдуматься в его содержание. Недавно я прочитал французский роман, который хвалили за совершенство формы и компактность. Вся история касалась любовного романа, который не состоялся. Вся первая глава этого романа объемом чуть более 200 страниц была посвящена рассказу о прогулке в лесу, во время которой ничего особенного не произошло. Вы называете это компактностью и краткостью? Мне кажется, что со всеми своими сотнями страниц я был более краток».

«Мне нравятся длинные романы. В последнее время благодаря энтузиазму друга я начал читать великих русских писателей. Я только что прочитал «Войну и мир» Толстого».

«Есть книги, которые я читаю постоянно. Это Библия, Джон Донн и особенно Шекспир. Мне кажется, что Шекспир в своем огромном понимании человечества был своего рода богом. Я представляю, что он был единым целым с этой ненасытной способностью жить. Под этим я не подразумеваю, что он хотел жить долго, просто, пока жизнь была с ним, он требовал, чтобы она была полной».

«Кроме того, в последнее время я познакомился с некоторыми авторами, которых мои рецензенты обвиняли в подражании. Боюсь, что я слишком серьезно отношусь к своим рецензиям, но в некоторых случаях у меня есть повод радоваться этому. Один рецензент, чье имя я забыл, сравнил меня с Уитменом. Я не мог успокоиться, пока не отыскал и не переварил его произведения, во многом мне незнакомые. Он стал для меня удивительным открытием. Мне кажется, что он один из самых американских писателей. Многие его идеи сейчас кажутся устаревшими, например, его энтузиазм в отношении демократии – невозможный идеал, на мой взгляд, но по сути своей он настоящий американец».

Я долго поддерживала разговор с мистером Вулфом в этот необычайно неудобный полдень. Он курил сигарету за сигаретой, вытирал со лба капельки пота. Пора было его отпустить. Но я шла по его следу уже больше года и не могла позволить ему уйти, не задав, ни одного вопроса. Я достала список заметок, сделанных мною при чтении «Взгляни на дом свой, Ангел». Он серьезно просмотрел его вместе со мной и, к моему изумлению, нашел вполне ясными и понятными такие загадочные пометки, как «сказочное» и «предельная амбиция».

«Да, сказочное – вся жизнь такова, – сказал он. – Жизнь больше нас самих. Кажется, будто наши бедные чувства никогда не были в полной мере подготовлены к восприятию любого опыта. Басни древних оказали сильное влияние на мое воображение. Я назвал один из фрагментов «Ярмарки в октябре» в честь противника Геркулеса – Антея».

«В качестве конечной цели я хочу написать около пятнадцати романов, все длинные, и получить каким-то образом гарантированный доход около 200 долларов в месяц. Если бы я мог получить это, а вместе с этим и свободу писать все время, я был бы совершенно счастлив».

Мисс Старки писала в письме Ричарду Уолсеру от 31 июля 1982 года: «Я никогда не делала записей такого рода, интервью – в отличие от новостных репортажей, где нужно было фиксировать факты, – но полагалась на свою память, тогда очень хорошую, поскольку мои транскрипционные истории всегда радовали читателей. Однажды мне стало любопытно, и я обратилась к своему дневнику в день интервью, но нашла лишь упоминание о нем как о застенчивом гиганте». По ее словам, хотя она больше никогда не видела Вулфа, было еще два контакта: «Одним из них была восторженная открытка с острова в штате Мэн, который я рекомендовала для отдыха. Другой – телефонный звонок, когда он был в Бостоне и остановился в старом отеле Белвью. Он попросил меня присоединиться к нему на вечер, но, увы, я уезжала по делам. Поскольку он остановился в моем городе, я удивляюсь, что никто из нас не предложил встретиться на следующий день; в любом случае, мы этого не сделали». В письме к Альдо Маги от 28 августа 1982 года она отметила, что «светское свидание с тем, кого я называла «застенчивым гигантом», возможно, было выше моих сил».

Среди многочисленных книг Старки «Дьявол в Массачусетсе» (1949), повествующая о Салемской колдовской истерии. Помимо работы в газетах, она много лет преподавала английский язык в колледжах Вирджинии и Коннектикута.

«Нью-Йорк Геральд Трибьюн», 18 февраля 1935 года

Первые месяцы 1935 года были для Вулфа напряженным и тревожным временем. Он был настолько неуверен и нервничал по поводу того, как примут книгу «О Времени и о Реке», что решил сбежать с местной сцены в Париж до ее публикации.

Издательство «Скрибнерс» имело все основания ожидать огромного успеха и в качестве рекламной тактики назначило интервью Вулфа влиятельной газете «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» на воскресенье, 17 февраля. Это оказалась его самая несчастливая встреча с публичной прессой. По словам Элизабет Ноуэлл в книге «Биография Томаса Вулфа» (1960), взволнованный романист, как и следовало ожидать, забыл о визите интервьюера, Сандерсона Вандербильта, до того момента, когда он должен был прийти, а затем бросился обедать и покупать бутылку спиртного, чтобы подкрепить себя к испытанию, оставив записку для Вандербильта, чтобы тот зашел в его квартиру и «чувствовал себя как дома».

Вандербильт так и поступил. В течение часа до возвращения Вулфа репортер записывал мельчайшие подробности неубранного жилища писателя, осматривал его изуродованную лампу и эксцентричный будильник, а также читал все газеты, которые валялись поблизости. Наконец Вулф появился, и журналист записал для печати все случайные и не относящиеся к делу высказывания возбужденного романиста. Пытаясь объяснить сложную роль художника в Америке, Вулф заикался: «З-здесь! Возьмите это! Я сказал все здесь гораздо лучше, чем могу выразить это сейчас». Вандербильт быстро сунул в карман единственную копию первого черновика того, что станет «Историей одного романа».

Статья была озаглавлена «Томас Вулф сокращает вторую книгу до 450 000 слов – автор «Взгляни на дом свой, Ангел» устало обрезает роман «О Времени и о Реке» – рассчитывает на 5 миллионов слов – считает, что в Америке трудно писать, поэтому он уезжает» и снабжена фотографией Джерома Зербе.

Томас Вулф, тридцатичетырехлетний романист, чей роман «Взгляни на дом свой, Ангел» четыре года назад сделал его белой надеждой ведущих критиков Америки, ворвался вчера днем в свою квартиру на Монтегю-Террас, дом 5, в Бруклине, с двумя дюймами голубой рубашки, отделявшей низ его помятого жилета от верха нестиранных брюк.

Литературный джентльмен ростом в шесть футов пять дюймов (195 сантиметров) расхаживал по квартире, сетуя не только на то, что опоздал на интервью на целый час, но и на то, что его следующий роман «О Времени и о Реке», который должен выйти 8 марта, сокращен с 700 000 до, всего лишь, 450 000 слов. Это будет второй из серии шести романов, запланированных мистером Вулфом, который рассчитывает написать 5 000 000 слов, а затем с горечью увидеть, как они сократятся до скудных 2 000 000.

Мистер Вулф обещал встретиться с репортером в два часа, но мысль об интервью так напугала его, что он сбежал в ресторан на обед. В результате только к трем часам он почувствовал себя достаточно собранным, чтобы предстать перед вопрошающим. Почерком, которым он проделывает тюки с рукописями, была написана записка, засунутая в почтовый ящик. Она гласила:

«Ушел обедать, вернусь через несколько минут. Если вы не получите ответа, позвонив в мой звонок, позвоните в звонок суперинтенданта, и она ответит вас ко мне. Чувствуйте себя как дома, пока я не вернусь. Т. ВУЛФ».

«Место» мистера Вулфа оказалось на четвертом этаже пятиэтажного дома из коричневого камня в Бруклин-Хайтс, из которого раньше открывался вид на гавань, но который теперь стал просто унылым, поскольку между ним и водой были построены более высокие дома. В старом скрипучем здании у автора две комнаты, за которые он платит 45 долларов в месяц и считает это выгодной сделкой.

В ванной стоял ящик со льдом, но им, очевидно, не пользовались, потому что мистер Вулф выставил на подоконник бутылку молока, полдюжины яиц и несколько ломтиков бекона. В углу стояла лампа-бридж (торшер высотой 52-60 дюймов с удлиненным кронштейном, который держит лампу в нижнем положении: идеально подходит для освещения карточного стола), но у нее не было ни абажура, ни лампочки. Телефон на камине оказался просто украшением, а рядом лежал неоплаченный счет за его услуги на 17,18 долларов.

Кровать в соседней комнате была наспех застелена, а рядом с ней стоял старый зеленый будильник, который работает только в горизонтальном положении. На единственной книжной полке в комнате стояли такие книги, как «Анна Каренина» Толстого, несколько книг из серии «Джална» де ла Рош, «Пирожные и эль» Моэма, телефонный справочник Манхэттена, «Улисс» Джеймса Джойса, французские романы в желтых бумажных переплетах и несколько экземпляров «Взгляни на дом свой, Ангел».

Глиняный кувшин был наполнен огрызками карандашей, которыми пишет мистер Вулф. На столе лежало первое издание «О Времени и о Реке», которое он исправил и которое показало, что у машинисток и наборщиков есть свои проблемы с расшифровкой отрывистого авторского почерка. Например, вместо слова «вечный» было напечатано «элементарный». Мистеру Вулфу пришлось заменить слово «многочисленные» на «шумные»; слово «влажные» было исправлено на «самые»; а композитор (человек, в обязанности которого входит расстановка букв, слов, предложений и т.д. в книге или журнале перед печатью, иначе говоря, корректор) прочитал «сладкие» там, где мистер Вулф написал «тайные».

Внизу хлопнула дверь такси, и вскоре в комнату ворвался мистер Вулф, раскаиваясь в своем опоздании и вытирая пепел от сигареты с брюк. «Боже, – воскликнул он, – простите, что заставил вас ждать». Затем он уселся за стол, чтобы обсудить свои писательские дела. Всего будет шесть романов, сказал он, и в них он попытается проследить развитие событий в Америке на протяжении 150 лет. В романе «Взгляни на дом свой, Ангел» рассматриваются годы с 1884 по 1920; в романе «О Времени и о Реке» – с 1920 по 1925; в «Ярмарке в октябре» – с 1925 по 1928; а в романе «Там, за холмами Пентленд» – с 1838 по 1926 год. Мистеру Вулфу еще предстоит написать «Смерть Государства», которая будет охватывать период с 1928 по 1933 год, и «Тихоокеанский рубеж» – с 1791 по 1884 год.

«Я надеюсь, что все это будет похоже на растение, – сказал мистер Вулф, растянувшись на шатком стуле и вцепившись в свои редкие черные волосы. – Только не надо говорить, что это звучит как-то вычурно. Это что-то вроде растения, которое пустило много корней. Думаю, общий план этих книг – история о том, как мужчина ищет своего отца (одна из основных тем «Улисса» Джойса). Все в мире – не только мужчины, но и женщины – ищут отца. Ищут какого-то человека, обладающего высшей силой. Какого-то человека вне себя, к которому они могли бы привязать свою веру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.